

УДК 343.6

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.073-078

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЮ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Для цитирования

Казакова, В. А. Уголовно-правовое противодействие причинению вреда жизни и здоровью по профессиональной неосторожности / В. А. Казакова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 73–78. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.073-078.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере причинения вреда жизни или здоровью, в частности разграничения с преступлениями против здоровья населения, в связи с недобросовестным исполнением своих профессиональных обязанностей. Анализируется связь субъективных элементов состава преступления, личности виновного с наказуемостью. Изучаются такие субъективные признаки, как форма вины, мотив и цель преступления и характеристика субъекта. Ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей чаще всего совершается в сфере здравоохранения и является результатом виновной врачебной ошибки. Наибольшая сложность при этом заключается в разграничении неосторожного и невиновного причинения вреда, в том числе при обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы. Рассматриваются ситуации обоснованного риска, которые могут быть связаны: а) с отсутствием общественно полезной цели; б) наличием иного варианта действий (бездействия), не связанных с риском; в) непринятием достаточных мер для предотвращения опасности; г) сопряженностью риска с угрозой для жизни многих людей, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Изучение судебной практики показало наличие значительного количества ошибок при квалификации данных преступлений, неоднозначную оценку тяжести таких деяний, различные подходы к их наказуемости, особенно в свете того, что законодатель предоставляет необоснованно большие возможности судебного усмотрения при этом. Устанавливается, что законодателю целесообразно

© Казакова В. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

прислушаться к разумным практическим тенденциям использования наказаний, не связанных с лишением свободы, а правоприменителям не злоупотреблять возможностью привлечения к уголовной ответственности, когда при возбуждении уголовного дела игнорируются субъективные составляющие, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и с положительными мотивами и целями виновного.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, недобросовестное исполнение профессиональных обязанностей, наказуемость неосторожных преступлений, конкуренция норм, врачебная ошибка.

Жизнь и здоровье человека являются основополагающим благом, занимающим первое место в иерархии базовых ценностей. Составы преступлений гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) можно классифицировать по разным основаниям.

Достаточно условным является их деление на преступления против жизни и преступления против здоровья, так как некоторые из них посягают на оба эти объекта. Так, в рамках причинения тяжкого вреда здоровью, как правило, присутствует угроза жизни, так как в п. 6.1 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утверждены приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н), установлены два обобщенных критерия отнесения причиненного вреда к тяжкому: вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния.

Как правило, статьи данной главы имеют сложную структуру, содержащую, наряду с основным составом, составы с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, выделяемыми по способу и орудия посягательства, по наступившим последствиям, по групповому признаку субъектов посягательства, по характеристикам потерпевшего.

В данной статье уделяется внимание таким субъективным признакам, как форма вины, мотив и цель преступления и характеристика субъекта. Это обусловлено проблемными для науки и судебной практики вопросами уголовно-правовой квалификации преступлений против жизни и здоровья, в частности разграничения с преступлениями против здоровья населения, с многообъектными преступлениями, где вред здоровью является дополнительным, с административными правонарушениями и дисциплинарными проступками, с невиновным причинением вреда здоровью, в том числе в условиях крайней необходимости и обоснованного риска. Неоднозначны и вопросы наказуемости таких деяний в плане соответствия законодательства и практики принципам законности и справедливости, экономии уголовной репрессии.

В гл. 16 УК РФ имеются статьи, содержащие нормы общего характера: ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ч. 4 ст. 122 (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), ст. 124 (неоказание помощи больному). Все они предполагают неосторожную форму вины и сконструированы по принципу материального состава, противоправность которого связана с наступлением последствий в виде причинения вреда жизни или здоровью.

Вместе с тем в УК РФ свыше 80 специальных норм, помещенных в иные главы кодекса в зависимости от сферы проявления. Как правило, речь идет о нарушении различных

профессиональных правил, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью, смерть, а также смерть двух и более лиц по неосторожности. Иногда эти последствия являются составообразующими, чаще – квалифицирующими или особо квалифицирующими.

Ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей чаще всего наблюдается в сфере здравоохранения и является результатом виновной врачебной ошибки*. Наибольшая сложность при этом заключается в разграничении неосторожного и невиновного причинения вреда, в том числе при обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы.

С особенной внимательностью следует подходить к квалификации деяний, совершаемых с общественно полезной целью, связанной со спасением жизни и улучшением здоровья человека в обстановке крайней необходимости или обоснованного риска.

Правоведами ведутся дискуссии по трактовке понятий «общественно полезная цель», «достаточность мер, предпринятых для предотвращения вреда», оценке вероятности наступления угроз, перечисленных в ч. 3 ст. 41 УК РФ, отрицающих обоснованность риска.

Судебная практика показывает, что риск присутствует практически во всех сферах профессиональной деятельности и досуга. Наиболее часто на него ссылаются в преступлениях в сфере экономической деятельности, должностных, против собственности, при причинении вреда здоровью и жизни в медицине. Как справедливо отмечают ученые, данная норма призвана устранить препятствия, которые могут возникать на пути научно-технического прогресса, и одновременно с этим защитить общество от необдуманных и необоснованных действий рискованных субъектов [1, с. 3].

Ситуация обоснованного риска возникает вследствие сознательного нарушения рискующим субъектом установленных правил в целях достижения общественно полезного результата, который может способствовать прогрессу в конкретной сфере профессиональной деятельности, например, медицине, фармацевтике, науке и технике, спорте, промышленности или в сфере обеспечения законности и правопорядка. Перед лицами, действующими в условиях крайней необходимости и обоснованного риска, стоят разные цели. В первом случае цель – предотвращение вреда от непосредственно грозящей опасности правоохраняемым интересам, а во втором – общественно полезная цель. При этом ставящаяся цель может быть также направлена на устранение опасности. Так, решимость провести сложную операцию по ампутации ноги тяжелобольному человеку ради спасения его жизни или здоровья ставит врача в ситуацию крайней необходимости, которую также можно трактовать как обоснованный риск. Если последствием такой операции явилось сохранение жизни больного, но возникновение инвалидности, то причиненный вред должен быть расценен как меньший, чем предотвращенный, и ответственность за него не должна наступить по правилам крайней необходимости. Если же в результате такой операции больной умер, а проведенная экспертиза установила, что смерть все равно наступила бы при отсутствии хирургического вмешательства, то оправданием врача может быть обоснованный риск. Это подтверждает сходство двух названных обстоятельств и объясняет то, что во многих странах обоснованный риск не выделен в качестве обособленного обстоятельства, а приравнивается к крайней необходимости.

* Такие преступления называются ятрогенными. В юридической и медицинской литературе также употребляются термины «медицинская ошибка», «врачебная халатность», «медицинский деликт», «дефект оказания медицинской помощи» и т. д.

В 2001 г. перед английским судом встал вопрос о правомерности риска в операции по разделению сиамских близнецов, когда врачам пришлось пожертвовать жизнью одного из младенцев в пользу другого, более жизнеспособного, то есть решить вопрос о соотношении действительного вреда, причиненного при обоснованном риске, и социальной значимости той цели, на достижение которой были направлены действия рискующего субъекта. Изучив все обстоятельства дела, суд признал действия медиков правомерными, ссылаясь на положения о необходимости, подтвержденной медицинскими показателями [2, с. 351].

В ситуации обоснованного риска нарушение условий правомерности может быть связано: а) с отсутствием общественно полезной цели; б) наличием иного варианта действий (бездействия), не связанных с риском; в) непринятием достаточных мер для предотвращения опасности; г) сопряженностью риска с угрозой для жизни многих людей, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Возникает вопрос: какие из этих нарушений говорят об отсутствии обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а какие допускают ответственность со смягчающим обстоятельством согласно п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ? Иначе говоря, речь идет о разграничении обоснованного риска с необоснованным, а также с недостаточно обоснованным. Ни закон, ни судебная практика Пленума Верховного Суда не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, это все-таки вопрос факта, в каждом конкретном случае толкуемый по-разному.

Нередко судебно-медицинская экспертиза затрудняется в установлении причинной связи действия или бездействия медицинского работника и наступившего тяжкого вреда здоровью. Это связано с исходным состоянием здоровья пациента, характеризующегося предшествующими заболеваниями, особенностями организма и т. п. Иногда наступление такого последствия обусловлено деяниями нескольких лиц, например, хирургами и анестезиологами в процессе операции и лечащим врачом в послеоперационный период. Когда установлена неосторожная вина нескольких лиц, ответственность должна наступить в зависимости от связи действий или бездействия каждого с причиненным вредом по принципу неосторожного сопричинения.

В этой сфере в случае бездействия также возможна конкуренция составов ч. 2 ст. 118 УК РФ и ч. 2 ст. 124 УК РФ. Неоказание помощи в теории и судебной практике нередко подразумевает недостаточное, недолжное, некачественное ее оказание. Аналогичная коллизия возникает при конкуренции норм ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 124 УК РФ, когда речь идет о смерти больного. Типичным является уголовное дело в отношении врача К., которая ошибочно поставила диагноз «остеохондроз шейного отдела позвоночника» вместо инфаркта и назначила неправильное лечение, что привело к смерти больной. Действие врача было квалифицировано Ярцевским городским судом Смоленской области по ч. 2 ст. 124 УК РФ (приговор № 1-121/10 от 13 августа 2010 г.).

Представляется, что в данном случае в пользу применения ст. 124 УК РФ есть два аргумента: в неоказании помощи больному субъект более специальный (лицо, обязанное оказывать помощь больному), чем в причинении тяжкого вреда здоровью (лицо, исполняющее свои профессиональные обязанности; кроме того, наказуемость квалифицированного состава неоказания помощи существенно строже, чем по санкции ч. 2 ст. 118 УК РФ).

Изучение судебной практики показало наличие значительного количества ошибок при квалификации данных преступлений, неоднозначную оценку тяжести таких деяний, различные подходы к их наказуемости, особенно в свете того, что законо-

датель предоставляет необоснованно большие возможности судейского усмотрения при этом.

Так, санкции причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности предусматривают широкий спектр наказаний, в том числе до одного года лишения свободы (специальному субъекту за квалифицированный вид этого преступления). В 2017 г. по ч. 1 ст. 118 УК РФ осуждено 1077 чел. Наказание в виде ограничения свободы получили 264 чел. (25 %), исправительных работ – 197 чел. (18 %), обязательных работ – 327 чел. (30 %), штрафа – 231 чел. (21 %).

По ч. 2 ст. 118 УК РФ основная масса осужденных – 34 чел. из 42 осужденных (81 %) осуждены к ограничению свободы, что демонстрирует достаточно парадоксальный факт: к осужденным за более тяжкое преступление, связанное с ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей, суды подходят гораздо более лояльно.

Такая же тенденция прослеживается при сравнительном анализе наказуемости причинения смерти по неосторожности. В 2017 г. к самому мягкому (по факту) наказанию – ограничению свободы осуждено 43 % (387 из 900 чел.) по основному составу (ч. 1 ст. 109 УК РФ) и 73 % (107 из 146 чел.) – по квалифицированному составу (ч. 2 этой же статьи). Лишением свободы наказаны соответственно 18 % (164 чел.) по ч. 1 ст. 109 УК РФ и только 2 чел. по ч. 2 этой статьи. Вероятно, это можно объяснить наличием более положительного социального статуса виновных.

Интересно, что превалирование учета благополучного социального положения виновного над тяжестью совершенного деяния до недавнего времени проявлялось и в умышленных преступлениях, достаточно тяжких, подвергающих угрозе различные сферы общественных отношений. Это относится к должностным, экономическим, в том числе коррупционным, преступлениям. Основное коррупционное преступление – получение взятки – в 2017 г. каралось реальным лишением свободы в 42 % случаев (в 2016 г. – 29 %), лишением свободы условно – в 27 % (19 %), штрафом – в 30 % (52 %). Чаще, чем другие виновные, эта категория получала наказание ниже низшего предела с учетом исключительных обстоятельств, к которым суды относили положительные характеристики с места работы, наличие благополучной семьи и детей, государственные и профессиональные награды, состояние здоровья и т. д. Только за один год уголовная политика в части наказуемости основных коррупционных преступлений изменилась радикально. Резко (примерно в полтора раза) выросло назначение реального лишения свободы и лишения свободы условного. В частности, за дачу взятки условную меру стали применять в три раза чаще. Существенно сократилось назначение штрафа. В целом это можно оценить как ужесточение ответственности за коррупционные преступления.

Виновные в неосторожных преступлениях, связанных с нарушением профессиональных обязанностей, также отличаются от основной массы так называемых общеуголовных преступников наличием благополучного социального статуса – квалифицированной работы, образования, положительных характеристик. Вероятность наступления неблагоприятных последствий (причинение вреда здоровью или смерть человека) в неосторожных преступлениях меньше, но их криминализующее значение несравнимо выше.

Именно в делах подобного рода особенно заметно проявляются противоречия между частным предупреждением и общей превенцией. Учеными, тяготеющими к так называемой интеракционистской модели наказания, доказано, что нет прямой зависимости между суровостью наказания, объемом карательных элементов в нем, его длительностью и эффективностью в плане достижения целей исправления и превенции, а также восстановления социальной справедливости [3; 4]. Более того, в каждом конкретном

случае они могут вступать в противоречие друг с другом. Какая из трех целей должна превалировать – вопрос дискуссионный. Так, карательная составляющая наказания часто требует длительных сроков лишения свободы. Однако с точки зрения достижения цели частного предупреждения во многих ситуациях, исходя из особенностей личности виновных, достаточным может оказаться сам факт осуждения, потеря в связи с этим работы и соответствующего положения в обществе. Не случайно практика назначения наказания судом иногда очень существенно «корректирует» установленные законодателем меры ответственности, назначая наказание условно за весьма серьезные преступления, а тем более неосторожные, или применяя различные виды освобождения от наказания и ответственности.

Тренд современного уголовного законодательства связан с расширением составов создания опасности в целях общей превенции, что обусловлено влиянием на соответствующие правоотношения быстро развивающихся направлений развития медицинской науки, гипнотических и иных приемов воздействия на человеческую психику, генетики, совершенствования биотехнологий, внедрения манипуляций, связанных с технологиями клонирования, фармацевтики, и даже контроля за использованием биологических видов оружия.

Законодателю целесообразно прислушаться к разумным практическим тенденциям использования наказаний, не связанных с лишением свободы, а правоприменителям не злоупотреблять возможностью привлечения к уголовной ответственности, когда при возбуждении уголовного дела игнорируются субъективные составляющие, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и с положительными мотивами и целями виновного. Специалисты называют это явление отрицательной латентностью, когда первоначально деяние рассматривается в качестве преступления, но потом оборачивается казусом, несчастным случаем, деянием, не представляющим общественной опасности [5, с. 201].

Количество ошибок и различный подход к разрешению аналогичных уголовных дел в судебной практике говорит о нарушении принципа законности в правосудии, что может быть устранено или уменьшено более тщательным подходом к конструированию уголовно-правового запрета неосторожных преступлений, практической обоснованностью санкций, более пристальным вниманием со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации по толкованию норм УК РФ в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Ильюхов А. А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 175 с.
2. Monaghan, N. 2014, *Criminal Law Directions*, Oxford.
3. Иншаков С. М., Казакова В. А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики // *Уголовное право*. 2016. № 1. С. 84–92.
4. Tannenbaum, F. 1938, *Crime and the community*, Columbia University Press, New York, <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015003659664;view=1up;seq=1>.
5. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс* : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. Т. 10 : *Обстоятельства, исключающие преступность деяния*. 507 с.